

О. В. КОЗОРОГ,

канд. филол. наук, доцент Харьковского национального педагогического университета им. Сковороды

**«ЖИВУ СНАМИ О ВАС И СТИХАМИ К ВАМ...»:
МАРИНА ЦВЕТАЕВА И КОНСТАНТИН РОДЗЕВИЧ**

*Только нельзя, Марина, влюбленным так много
знать о крушеньях. Влюбленных неведение – свято...
Райнер Мария Рильке
Элегия (Марине Цветаевой – Эфрон)*

*Люблю Ваши глаза... Люблю Ваши руки,
тонкие и чуть, холодные в руке. Внезапность
Вашего волнения, непредугаданность Вашей
уśmieшки. О, как Вы глубоко правдивы! Как Вы, при
всей Вашей изысканности – просты! Игрок, учащий
меня человечности. О, мы с Вами, быть может, оба
не были людьми до встречи! Я сказала Вам: есть –
Душа, Вы сказали мне: есть – Жизнь...
Из письма Марины Цветаевой к Константину
Родзевичу от 23 сентября 1923 года.*

«Чехия осталась у меня в памяти как один синий день, и одна – туманная ночь. Бесконечно люблю Чехию»¹, – писала Марина Цветаева Анне Тесковой из Парижа. Воспоминания о своей жизни в Праге преследовали Марину Цветаеву, как память о золотом – веке: «С щемящей нежностью вспоминаю Прагу... Ни один город мне так не вращал в сердце!»², – отмечала Цветаева в другом письме, обращенном к Анне Тесковой.

Из семнадцати лет, прожитых Цветаевой в эмиграции, на Чехию приходится три года и три месяца. «Прага! Прага! Никогда не рвалась из нее и всегда в нее рвусь...»³.

Из огромного литературного наследия Марины Цветаевой на пражский период ее жизни приходится едва ли не половина (Сто тридцать девять стихотворений написала Цветаева в Чехии: в среднем по одному стихотворению в неделю).

Где сроки спутаны, где в воздух ввязан
Дом – и под номером не наяву!
Я расскажу тебе о том, как важно
В летейском городе своем живу.

Я расскажу тебе, как спал он,
Не выспался – и тянет стан,
Где между водорослью и опалом
День деворадуется по мостам.

Где мимо спящих богородиц
И рыцарей, дыблящих бровь,

Шажком торопится народец
Потомков – переживших кровь.

Где честь, последними мечами
Возвав, – не медлила в ряду.
О городе, где всё очами
Глядит – последнего в роду.

Стихотворение написано 21 апреля 1923. Через десять месяцев после того, как Цветаева поселилась в Праге. (Цветаева с семьей прибыла в Прагу 1 августа 1922 года).

Если внимательно читать это стихотворение, то в нем можно увидеть почти все истории любви Марины Цветаевой.

Любовь №1: Брунцвик. «У меня есть друг в Праге, каменный рыцарь, очень похожий на меня лицом. Он стоит на мосту и стережет реку: клятвы, кольца, волны, тела. Ему около пятисот лет и он очень молод: каменный мальчик»⁴, – так писала Цветаева своему возлюбленному – Александру Бахраху о памятнике средневековому рыцарю через год после приезда в Прагу – 27 сентября 1923 года.

В этот же день было написано и само стихотворение, воспевающее любовь Марины к Брунцвику – каменной скульптуре, установленной в Праге, под Карловым Мостом, над Влтавой. В средневековых преданиях Брунцвик отождествлён с королём Пршемыслом II, много сделавшим для укрепления чешского государства.

Поэтическое воображение Цветаевой превратило фигуру средневекового рыцаря, слушающего плеск волн, в романтического «бледнолицего стража», охраняющего Прагу, а Влтаву – в «реку дней» – Лету.

Бледно – лицый
Страж над плеском века –
Рыцарь, рыцарь,
Стерегущий реку.

(О найду ль в ней
Мир от губ и рук?!)
Ка – ра – ульный
На посту разлук.

Клятвы, кольца...
Да, но камнем в реку
Нас – то – сколько
За четыре века!

В воду пропуск
Вольный. Розам – цвесьть!
Бросил – брошусь!
Вот тебе и месьть!
<...>

Поэтическое ясновиденье Марины Цветаевой позволило предвосхитить и напророчить собственную любовь. Любовь к «пражскому рыцарю» – Константину Родзевичу, с которым Цветаева познакомилась незадолго до написания этого стихотворения.

Любовь № 2: Константин Родзевич.

Константин Родзевич (1895 – 1988) – профессиональный разведчик, по заданию ОГПУ внедрился в ряды отступающей Белой Армии, вместе с Сергеем Эфроном эмигрировал с остатками разбитой Белой армии из Стамбула в Прагу. Друг Сергея Эфрона по Пражскому университету.

Вот одна из портретных характеристик, данная Родзевичу близким другом Цветаевой – Марком Слонимом: «...Я видел его раза два, он мне показался себе на уме, хитроватым, но, но не без юмора, *довольно тусклым, среднего калибра*» (*курсив мой – О. К.*)⁵.

А вот еще одно свидетельство. На этот раз портрет Родзевича дан глазами женщины – Екатерины Рейтлингер: «Родзевича я видела у Эфронов (да и на всяких собраниях). Очень уверенный в себе (чувствовалось, что привык всегда и всех очаровывать), умевший не только голосу, но и глазам придавать соответствующие нюансы (значительные, ласковые, насмешливые). Говорил очень хорошо и легко. Я его воспринимала как позёра, и что-то от Рудина было в нем.

Характерно, что, когда вся группа возвращенцев, перейдя от слова к делу, решила ехать в Союз, он не присоединился к ним, остался в Париже».

А вот свидетельство мужа Цветаевой – Сергея Эфрона: «...О своем решении разъехаться я и сообщил Марине... Быть твердым здесь – я не мог бы, если бы Марина попадала к человеку, которому я верил. Я же знал, что другой (*маленький Казанова*) через неделю Марину бросит...» (*курсив мой – О. К.*)⁶.

Но Цветаева видела совсем другого Родзевича.

В апреле 1923 года Цветаева делает дарственную надпись на книге «Ремесло»: «Моему дорогому другу Радзевичу⁷ – на долгую и веселую дружбу...»⁸.

Спустя полгода в письме к Бахраху она пишет: «Я была на самом краю (вчера!) другого человека: просто – губ...»⁹.

Цветаева так пишет своему бывшему возлюбленному о том, что любит другого – Родзевича: «Я люблю другого – проще, грубее и правдивее не скажешь... Как это случилось?... Я рванулась, другой ответил. ...Знаю: большая боль. Иду на страдание» ...»¹⁰. «Долгой и веселой дружбы» с Родзевичем у Цветаевой не получилось: вспыхнула бешеная, безудержная, неистовая страсть. Роман с Константином Родзевичем продолжался около семи месяцев: с сентября 1923 по май 1924 года¹¹. «Я ободранный человек, а Вы все в броне. У всех вас: искусство, общественность, дружбы, развлечения, семья, долг, у меня, на глубину, ни–че–го. Всё спадает, как кожа, а под кожей – живое мясо или огонь: я: Психея. Я ни в одну форму не умещаюсь – даже в наипросторнейшую своих стихов! Не могу жить. Всё не как у людей... Что мне делать – с этим?! – в жизни», – писала Марина Цветаева 20-летнему

литературному критику из Берлина Александру Бахраху 10 сентября 1923 года¹². Сергей Эфрон, узнавший о бурном романе своей жены не сразу, а только спустя три месяца, когда роман был в самом разгаре (Цветаева всерьез обдумывала возможность уйти к Родзевичу), писал Максимилиану Волошину в Коктебель в начале декабря 1923 года: «Марина – создание страсти... Бросаться очертя голову в ураган стало для неё необходимостью, атмосферой жизни... Человек вымышлен, и ураган начинается... Сегодня отчаяние, завтра энтузиазм; потом любовь, новое погружение души и тела, а днём позже снова отчаянье. И всё это, сохраняя пронизательный, холодный (я бы сказал, вольтерианский) ум... Всё записывается, всё спокойно выливается в формулы с математической точностью...»¹³.

Действительно, все чувства, которые испытывала Марина Цветаева в жизни – вымышленные или настоящие – всегда были источником вдохновения, поводом написать еще одно стихотворение. Может быть, и любовь, которую испытывала Цветаева к предмету своей страсти, нужна была только для того, чтобы *писать*. Так было со многими. Но не с Константином Родзевичем. Он оказался исключением. Если раньше потребность испытать небывалый взрыв эмоций была для Цветаевой одним из составляющих частей творческого процесса, то с Родзевичем вышло всё в точности наоборот: земная любовь перевесила небесную. Цветаевой был нужен, в первую очередь, Родзевич-человек, а не Родзевича-электрическая тяга для творческого процесса.

Сам Родзевич эти семь месяцев по достоинству не оценил: Цветаеву, как поэта не любил, стихи – не понимал. Вот свидетельство Владимира Сосинского – человека близко знавшего Родзевича: «...Возвращаюсь к герою «Поэмы Горы» и «Поэмы Конца» – единственному роману Цветаевой вне семьи – и с недоумением развожу руками: ведь и этот кратковременный роман – что это был за роман! Герой этих двух поэм как-то говорил мне: «Не понимаю ваших восторгов перед стихами Марины Цветаевой. Я, например, их вовсе не понимаю, они мне ничего не говорят. *У меня, простите, полное отвращение к ее творчеству*» (курсив мой – О. К.) ...»¹⁴.

Вскоре, после романа с Цветаевой, Родзевич женился на Марии Булгаковой (1898 – 1979) – дочери религиозного философа и священника Сергея Булгакова. Не на долго: вскоре развелся. Цветаева и здесь напророчила:

Но зато, в нищей и тесной
Жизни – «жизнь, как она есть» –
Я не вижу тебя совместно
Ни с одной:
– Памяти мечь.

1 января – 1 февраля 1924 г.

В 1963 году дочь Цветаевой – Ариадна Эфрон встретила с Марией Булгаковой в Москве: «На днях у меня была прелестная встреча с женой героя поэм «Горы» и «Конца»... И как-то трогательно было слышать ревнивые нотки в ее голосе, когда она вспоминала маму. *От нее я впервые узнала, что мама*

подарила ей на свадьбу с «героем» – от руки переписанную «Поэму горы»! Не ужас ли? И не прелесть ли? Вся мама – в этом ядовитом даре...»¹⁵.

«Я никогда за ней не ухаживал... Так вышло, потому что мы были рядом... В наших отношениях было столько искренности, мы были счастливы»¹⁶, – скажет Родзевич в 1982 году исследовательнице жизни и творчества Марины Цветаевой Виктории Швейцер.

Интересно, что спустя много лет, любовь Марины Цветаевой все же «настигнет» Родзевича, он *услышит* Марину. Когда ему предложили дать биографический комментарий к «Поэме Горы» и «Поэме Конца», он резко отнесся к этой просьбе: «Не толкайте читателя в преходящую повседневность («жизни как она есть»), позвольте ему нерушимо пребывать в нетленном мире, преображенном поэзией».

Понял стихи? «Через сто» лет, наконец-то они «дошли» (в переносном смысле) до адресата – до «маленького Казановы», как называл Родзевича Сергей Эфрон. Это «полное ничтожество, очаровательная свинья»¹⁷, – по выражению другого человека – его жены – Марии Булгаковой, наконец-то, вняла пению райских птиц? Человек «лживый и лукавый», по отзывам Николая Еленева, смог переродиться в человека, наделенного «редким даром обаяния, сочетавшим мужество с душевной грацией, ласковость – с ироничностью...», – по определению Ариадны Эфрон¹⁸.

Наверное, все-таки смог...

По воспоминаниям Ариадны Эфрон, Родзевич, которому было около 80 лет, «плакал, вспоминая маму» ...»¹⁹.

В своем кратком биографическом очерке, написанном Родзевичем по просьбе Анны Саакянц и отосланным им по ее же просьбе в 1978 году в Москву, Родзевич пишет:

«Теперь мне исполнилось 83 года. Это возраст, когда, как полагается, уже давно пора уходить на покой. Но всем ли удастся на склоне лет достигнуть душевного покоя?»

Кто-то очень правильно сказал: трагедия старости не в том, что ты стареешь, а в том, что ты остаешься молодым...

В конце этого краткого биографического очерка мне хочется сделать еще несколько замечаний, касающихся моего *пражского отрезка жизни*, знаменательного для меня по особой причине. *Там, в Праге, произошла моя встреча с Мариной Цветаевой, память о которой я бережно проносу сквозь всё нарастающую гушу времени?»*

Наша любовь и наша разлука живо отражены в стихах и поэмах самой Цветаевой. Поэтому я воздерживаюсь от всяких комментариев. Можно ли заурядными словами передать то, что уже стало достоянием поэзии?» (*курсив мой* – О. К.)²⁰.

Нет, заурядной личности это не под силу. Мимолетная любовь (в глазах Родзевича) со временем оказалась для него поэтическим Олимпом. Приятно быть персонажем и героем поэм. Особенно, если это стихи поэмы Марины Цветаевой.

О не вслушивайся! Болевого бреда
Ртуть... Ручьёва речь...
Прав, что слепо берешь. От такой победы
Руки могут – от плеч!

О, не вглядывайся! Под листвою падучей
Сами – листьями мчим!
Прав, что слепо берешь. Это только тучи
Мчат за ливнем косым.

Ляг – и лягу. И благо. И все на благо!
Как тела на войне –
В лад и в ряд. (Говорят, что на дне оврага,
Может – неба на дне!)

В этом бешеном беге деревьев бессонных
Кто-то *нас*мерть разбит.
Что победа твоя – поражение сонмов,
Знаешь, юный Давид.

1 сентября 1924 года

Преображенный мифом цветаевской любви, Константин Родзевич, наконец-то понял, что главное, что было в его жизни – это ни разведка, ни участие во Французском Сопротивлении, ни работа на ОГПУ, ни вербовка Эфрона в органы ОГПУ, ни концентрационный лагерь, в котором он несколько лет был в качестве узника, ни его художественные и скульптурные «шедевры», в которых он с большим опозданием пытался «завековечить» образ Марины Цветаевой в литографии и в скульптуре.

Главными в его жизни были – те *семь* месяцев неистовой любви Цветаевой, о которых он вначале (т. е. в конце любви) предпочитал не вспоминать. Не вспоминать настолько, что, встретив Цветаеву в Париже, даже не поинтересовался: от него ли ребенок, который родился у Марины 1 февраля 1925 года, ровно через девять месяцев после того, как они снова встретились в Праге 30 апреля 1924.

«Прага. **30 апреля 1924 года.**

Дружочек!

Больна, не выхожу из дома, все надеялась, что обойдется, не обошлось. Жду Вас у себя, приходите сразу, увидите Алю, свободна до 4 ч.

Предупреждаю о своем уродстве: опухоль через всё лицо, но мне всё-таки хочется Вас видеть – и Вам меня.

Жду. МЦ.

– Так, волею судеб, Вам еще раз доведется побывать у меня на горе. – МЦ».

Эта записка к Родзевичу была опубликована в «Письмах Марины Цветаевой к Родзевичу»²¹.

Чернила просохли, и бумага пожелтела. Но не настолько, чтобы не разобрать того, что было на ней написано Мариной...

В одном из писем к Родзевичу Цветаева писала: «Вы сделали надо мной чудо, я в первый раз ощутила единство неба и земли. О, землю я и до Вас любила: деревья! Всё любила, всё любить умела, кроме другого, живого. Другой мне всегда мешал, это была стена, об которую я билась, я не умела с живыми! Отсюда сознание: не – женщина – дух! Не жить – умереть».

Эти письма Константин Родзевич сохранил и сберег, несмотря на все превратности своей «железобетонной биографии»²²: войну в Испании, участие во Французском Сопротивлении, немецкий концентрационный лагерь...

Эти письма Константин Родзевич передал в начале шестидесятых через своего друга Владимира Сосинского из Парижа в Москву Ариадне Эфрон. Не читая переписку²³, Ариадна запечатала и передала письма в архив Цветаевой, который закрыла до 2000 года. В 2001 году письма, наконец-то, были опубликованы. До 2000 года был известен только черновик вышеприведенного письма Цветаевой к Константину Родзевичу от 23 сентября 1923 года.

Интересно, что Борис Пастернак с которым Цветаева интенсивно переписывалась в середине 20-х годов прошлого века, и тот не смог сохранить письма Цветаевой, несмотря на то, что ими очень дорожил. Уезжая в Чистополь, в эвакуацию, он передал письма Цветаевой своей знакомой – сотруднику редакции, которая оставалась в Москве. Она же, боясь, что письма могут не уцелеть под бомбежками, носила их постоянно с собой. Однажды, возвращаясь домой, после утомительного трудового дня, она забыла сумочку с письмами в электричке.

«Лицом к лицу лица не увидать. Большое видится на расстоянии», – писал Сергей Есенин в одном из своих стихотворений. Для того, чтобы рассмотреть это «большое», одному человеку – достаточно взглянуть – и мгновенно понять, распознать *масштаб личности* того, с кем имеешь дело. Другому для *распознавания* нужно прожить целую жизнь. Бог даровал Константину Родзевичу долгие годы жизни. Он умер в Париже, одинокий и покинутый всеми, в приюте для престарелых. Ему было 93 года. В последние годы жизни он увлекался резьбой по дереву: вырезал деревянные скульптуры... Все больше Марину.

В старости Родзевич обратился к поэзии Рильке – одного из любимейших поэтов Цветаевой. В Елабуге, вместе с пожитками, которые нашли у Цветаевой в сумочке, *после....* была и связка писем Рильке, адресованных ей. «Это самое ценное, что у меня есть...», – сказала Цветаева квартирной хозяйке незадолго до своего трагического конца.

Цветаева писем не теряла... Даже бездыханная. Право собственности он распространяла только на рукописи и детей.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Цветаева М.* Собрание сочинений в семи томах. М.: Эллис Лак, 1995. Т. 6: Письма к А. Тесковой. С. 428.

2. Там же. С. 361.

3. Там же. С. 372.

4. *Цветаева М.* Собрание сочинений в семи томах. М.: Эллис Лак, 1995. Т. 6: Письма к Бахраху. С. 614.

5. *Анискович Л.* Софья Парнок и Константин Родзевич. Две стороны одной Луны. М.: Кириллица, 2005. С. 255 – 256.
6. Там же. С. 254 – 255.
7. Цветаева сознательно писала фамилию Родзевич через **а** по особой причине: «Дорогой *Радзевич*, простите за *а*, но я веду Вас от *Радзевиллов!*» (*курсив мой – О. К.*). См.: *Анискович Л.* Указ. соч. С. 249.
8. *Анискович Л.* Указ. соч. С. 248.
9. *Цветаева М.* Собрание сочинений в семи томах. Т. 6: Письма к Бахраху. С. 617.
10. Там же.
11. Считается, что отношения между Цветаевой и Родзевичем были с сентября 1924 по декабрь 1924 (письмо Сергея Эфрона к Максимилиану Волошину). Но есть, все основания предполагать, что после «официального» разрыва Цветаевой с Родзевичем, их отношения продолжались (см. Переписку Цветаевой с Родзевичем).
12. *Цветаева М.* Собрание сочинений в семи томах. Т. 6: Письма к Бахраху. С. 617.
13. Там же.
14. *Анискович Л.* Указ. соч. С. 250.
15. *Эфрон А.* А душа не тонет... Письма 1942 – 1975. Воспоминания. М.: Культура, 1996. С. 230.
16. *Саакянц А.* Спасибо Вам. Воспоминания. Письма. Эссе. М.: Эллис Лак, 1995. С. 607.
17. *Анискович Л.* Указ. соч. С. 250.
18. *Кутёва Л.* «Ты меня любивший дольше времени...» Марина Цветаева и Константин Родзевич // Литературная учёба, 2004. №1. С. 128.
19. Там же.
20. Там же.
21. *Цветаева М.* Письма к Константину Родзевичу. Ульяновск: Ульяновский Дом печати, 2001. С. 187.
22. *Кутёва Л.* «Ты меня любивший дольше времени...» С. 232.
23. По словам Ариадны Эфрон, он так и не прочитала переписку матери с Родзевичем. Хотя из писем видно, что, кое-что пропало.